

ACTUALIZATION OF AXIOLOGICAL CONNOTATIONS OF THE CATEGORY CERTAINTY/UNCERTAINTY IN THE RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION

L. Mirzoyeva, Doctor of Philology, Associate Professor
Suleyman Demirel University, Kazakhstan

The article is devoted to axiological aspects of certainty/uncertainty and their representation in works translated from Russian into English. This problem can be considered as one of the topical issues existing in the field of the literary translation and pragmatics due to the national worldview and its reconstruction in translated texts.

Conference participant

В связи с тем, что в лингвистических исследованиях последнего времени реализована возможность использования сочетания когнитивного и прагматического подходов, становится необходимым рассмотрение под данным углом зрения такой категории, как определенность/неопределенность, в рамках которой прагматическое значение зачастую становится преобладающим. Наиболее часто примат прагматической составляющей отмечается тогда, когда значение определенности/неопределенности реализуется в таких подсистемах, как разговорная речь и художественный текст. Помимо этого, в ряде исследований отмечается метатекстовый характер данной категории. «Среди метатекстовых операторов (в широком, обычном смысле слова) нетрудно выделить такие, которые устанавливают эквивалентность или квазиэквивалентность внутри текста», - утверждает А. Вежбицка [1]. Следует также отметить, что прагматические значения, сопутствующие определенности/неопределенности в русском языке, - один из факторов, затрудняющий воссоздание имплицитно представленной оценки в переводе на английский: в английском языке оценочный потенциал эквивалентных лексических единиц не столь значителен (при анализе приводимых ниже случаев становится очевидным, что, например, английские *some, something, somewhere, somebody* и др. не передают всего того спектра аксиологических коннотаций, которое актуализируется при использовании русских *что-то, кто-то, где-то*; аналогичная ситуация наблюдается при использовании модальных слов). Сравним,

АКТУАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КОННОТАЦИЙ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Мирзоева Л.Ю., д-р филол. наук, доцент
Университет им. Сулеймана Демиреля, Казахстан

Статья посвящена ценностным аспектам уверенности / неуверенности и их репрезентации в работах, переведенных с русского на английский язык. Данная проблема очень актуальна в области литературного перевода и прагматики в связи с тем, что в переведенных текстах находит отражение национальная картина мира.

Участник конференции

например, позицию Н.С. Трубецкого относительно выраженности данной категории в германских языках. Исследователь выделяет три способа выражения понятия определенности:

А) синтагма, образованная существительным и «определённым артиклем»;

В) специальная форма существительного (сочетание основы существительного и специального аффикса)

Hund (швед. - собака) - *hunden* (данная собака);

С) специальная форма другого слова (существительного, прилагательного, глагола), относящегося к рассматриваемому существительному, то есть образующего с ним синтагму (детерминативную или предикативную)» [2, с. 187]. Об этом же свидетельствуют и В противоположность английскому, в русском языке категория определённости - неопределённости не имеет морфологического выражения и выражается лексически. Для выражения определённости используются: частица - то, указательные местоимения этот, эта, это, эти или тот, та, те, то. По своей функции они соответствуют определённому артиклю. Для выражения неопределённости используются местоимения какой-то, какая-то, какие-то, какое-то; числительное один. При переводе на английский язык они заменяются неопределённым артиклем *a* или *an*. Но нужно иметь в виду, что замены такого рода не являются регулярными, а зависят от контекста [3].

В русском языке нет аналогичного выделенным Н.С. Трубецким регулярных грамматических показателей, специализированных на выражении данного значения; поэтому

определенность/неопределенность выражается целым комплексом взаимодействующих средств и может рассматриваться как многоуровневая категория, т.к. средства, выражающие данное значение, соотносятся с разными языковыми уровнями. По мнению М.В. Маштаковой, в русском языке к функциям категории определенности-неопределенности относятся функции актуализации и детерминации, которые выражаются лексическими, грамматическими, морфологическими и синтаксическими способами [4, с. 9].

Отметим также, что в рамках субъективно-объективной направленности определенности/неопределенности, отмечаемой исследователями, может быть реализован и аксиологический потенциал данной категории. Значение неопределенности в ряде случаев сопрягается с пейоративным полюсом оценочной шкалы (т.е. отсутствие определенности мыслится как антипод позитивной оценки); значение определенности воспринимается как нейтральное, как своеобразный нуль оценки: оно соответствует норме и, следовательно, безразлично к оценочному знаку.

Категориальное значение определенности/неопределенности является значимой частью эмоциональной языковой картины мира: так, неопределенное *авось* воспринимается синхронно и как негативная оценка того, с чем оно сопрягается в модальной рамке высказывания. Ср. хотя бы утверждение А. Вежбицкой: «Согласно данным толковых словарей *авось* означает просто 'возможно, может быть', а связанное с этим словом выражение на *авось* имеет значение 'в надежде на

Таблица 1.

<p><i>Успел же он прочесть всего только несколько лекций, и, кажется, об аравитянах;...</i></p>	<p><i>He only had time to deliver a few lectures, I believe they were about the Arabs...</i></p>
<p><i>... начало одного глубочайшего исследования – кажется, о причинах необычайного нравственного благородства каких-то рыцарей в какую-то эпоху или что-то в этом роде. По крайней мере проводилась какая-то высшая и необыкновенно благородная мысль.</i></p>	<p><i>...the beginning of a very profound investigation into the causes, I believe, of the extraordinary moral nobility of certain knights at a certain epoch or something of that nature. Some lofty and exceptionally noble idea was maintained in it, anyway.</i></p>
<p><i>... Прекратил же он свои лекции об аравитянах потому, что перехвачено было как-то и кем-то (очевидно, из ретроградных врагов его) письмо к кому-то с изложением каких-то «обстоятельств», вследствие чего кто-то потребовал от него каких-то объяснений.</i></p>	<p><i>He cut short his lectures on the Arabs because, somehow and by some one (probably one of his reactionary enemies) a letter had been seized giving an account of certain circumstances, in consequence of which some one had demanded an explanation from him.</i></p>
<p><i>Тема... Но кто ее мог разобрать, эту тему? Это был какой-то отчет о каких-то впечатлениях, о каких-то воспоминаниях. Но чего? Об чем? Как ни ммурились наши губернские лбы целую половину чтения, ничего не могли одолеть, так что вторую половину прослушали лишь из учтивости. Правда, много говорилось о любви, о любви гения к какой-то особе, но, признаюсь, это вышло несколько неловко...</i></p>	<p><i>Who could make it out? It was a sort of description of certain impressions and reminiscences. But of what? And about what? Though the leading intellects of the province did their utmost during the first half of the reading, they could make nothing of it, and they listened to the second part simply out of politeness. A great deal was said about love, indeed, of the love of the genius for some person, but I must admit it made rather an awkward impression. For the great writer to tell us about his first kiss seemed to my mind a little incongruous with his short and fat-little figure...</i></p>

(Ф. М. Достоевский. Бесы. / Перевод на английский Constance Garnett, 1916).

ничтожно малый шанс'. Между тем в русском, как, впрочем, и в большинстве других европейских языков, имеется еще одна модальная частица, гораздо ближе, чем авось, стоящая к таким английским словам, как *perhaps* и *maybe*. Я имею в виду *может быть*. Слово *авось* означает нечто иное, это не просто слово со значением 'возможно', и, хотя при переводе на английский за неимением лучшего эквивалента мы обычно пользуемся словом *perhaps* 'возможно', есть достаточно много контекстов, в которых слова *perhaps* и *maybe*, видимо, не могут быть переведены на русский как *авось*» [5, с. 76-77].

По мнению Е.С. Кубряковой, в современном языкознании акцентируется внимание на феномене эмоциональной языковой картины мира, которая выступает как разновидность языковой картины мира, в которой оценочный аспект языка находит наиболее полное и разнообразное выражение. Выше уже приводилось определение данного феномена, предложенное И.А. Волостных, согласно которому в понятие «эмоциональная языковая картина мира» включаются эмоциональные представления, эмоциональ-

ные понятия, эмоциональные концепты. При этом, обретая языковую форму, они образуют сложное (как в плане структуры, так и в плане смысла) образование. Все эти компоненты находят свое место в сфере эмотивно оценочного континуума, соотносимого с фрагментами окружающего мира. И.А. Волостных подчеркивает, что как зарождение, так и эволюция эмоциональной языковой картины мира обусловлены самим языком [6, с. 6].

Оценочность можно квалифицировать как основу, как отправную точку для формирования национально-специфичной картины мира; следовательно, если рассматривать ее на диахронической оси, эволюция ценностных ориентаций, отраженных в языке с помощью ряда специализированных средств выражения, является основной причиной, генерирующей трансформацию национально-специфичной картины мира, которая, по мнению Ю.Н. Караулова, отражает специфику национального восприятия мира, наделена универсальностью и в то же время – экспрессивностью. Наиболее важным ее параметром является ее антропоцентричность [6, с.

12]. Адекватность лексической единицы актуальной русской культурной картине мира и современным представлениям о русской языковой личности, ее «восприимчивость» всеми членами языкового коллектива зависят не только от фонетического, графического и тому подобного оформления, но и от соответствия ее семантики и структуры общерусскому языковому типу, системе ценностей, ориентации на прагматическом уровне языковой личности, а также «сетке понятий», представляемой общей и индивидуальной картинами мира.

На основе сказанного выше хотелось бы обратить особое внимание на суггестивный потенциал значения неопределенности в процессе выражения оценки, и в особенности – на возможность инверсии оценки под воздействием данного значения.

Как показывает анализ контекстов, извлеченных из художественных текстов методом сплошной выборки, значение неопределенности (и недоверности как одна из его модификаций) способно индуцировать атмосферу кажимости, которая сопрягается с негативной частью оценочной шкалы:

Таблица 2.

<p>... Тут непременно кругом растет дрок (непременно дрок или какая-нибудь такая трава, о которой надобно справляться в ботанике). При этом на небе непременно какой-то фиолетовый оттенок, которого, конечно, никто никогда не примечал из смертных, то есть и все видели, но не умели приметить, а «вот, дескать, я поглядел и описываю вам, дуракам, как самую обыкновенную вещь». Дерево, под которым уселась интересная пара, непременно какого-нибудь оранжевого цвета. Сидят они где-то в Германии. Вдруг они видят Помпея или Кассия накануне сражения, и обоих пронизывает холод восторга. Какая-то русалка защицала в кустах. ... «Мы зарыдали и расстались навеки». Она куда-то на берег моря, он в какие-то пещеры...</p>	<p>There had to be a framework of gorse (it had to be gorse or some such plant that one must look up in a flora) and there had to be a tint of purple in the sky, such as no mortal had ever observed before, or if some people had seen it, they had never noticed it, but he seemed to say, "I have seen it and am describing it to you, fools, as if it were a most ordinary thing." The tree under which the interesting couple sat had of course to be of an orange colour. They were sitting somewhere in Germany. Suddenly they see Pompey or Cassius on the eve of a battle, and both are penetrated by an ecstasy. Some wood-nymph squeaked in the bushes. We sobbed and parted for ever." She went off somewhere to the sea coast, while he went to visit some caves, and then he descends and descends and descends for three years under Suharev Tower in Moscow, and suddenly in the very bowels of the earth, he finds in a cave a lamp, and before the lamp a hermit.</p>
---	---

(Ф.М. Достоевский. Бесы/ Перевод на английский Constance Garnett, 1916)

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на использование разноплановых лексико-грамматических средств с целью выражения значения неопределенности, подчеркивание которого и создает негативно оценочный фон для восприятия того, о чем сообщается в данном текстовом фрагменте. В число средств выражения указанного значения включаются, во-первых, неопределенные местоимения *кто-то, что-то, какой-то*, являющиеся весьма специфичным и неоднородным классом слов с позиций грамматики, но семантически и прагматически связанные с отрицательным полюсом шкалы оценок (при высокой интенсивности их использования в рамках одного контекста значение кажимости и сопровождающий его негативно оценочный ореол также интенсифицируется). Во-вторых, в качестве экспликатора негативной оценки могут быть включены модальные слова со значением недостоверности (*кажется*); помимо этого, ироническое восприятие объекта оценки (в данном

случае – текст) подчеркивается иными модальными словами, с помощью которых субъект оценки дистанцируется от ее объекта (*очевидно, правда*).

В английском тексте модальная рамка высказывания несколько упрощается, т.е. аксиологический (пейоративный/мелиоративный) компонент практически не воссоздан в переводе. Так, в ряде случаев не воспроизведено (и не могло бы быть воспроизведено в связи со структурными и прагматическими особенностями английского предложения) навязчивое повторение одних и тех же лексических единиц, создающее иронический колорит (см., например, последний из приведенных выше примеров). Опущение и модуляция – трансформации, использованные при воссоздании данных средств оценки, – в данном случае способствовали ее приглушению.

Индукцируемая негативная оценка является свидетельством того, что «кажимость» как негативно воспринимаемое вследствие своего манипулятивно-

го характера значение имеет достаточно широкий спектр средств выражения. Возможно говорить именно о манипулятивном характере языковых средств оригинала, т.к. в приведенных нами текстовых фрагментах прослеживается именно способность языковых средств со значением неопределенности не прояснить, а именно «затуманить» суть сообщения, что и является основой манипулирования. В английской же версии именно манипулятивность маркеров неопределенности утеряна, что обусловливает и снижение эмоционального воздействия, и утрату экспрессивности, порождаемой данными средствами выражения оценки. Ср. также:

Интересно, что зачастую в переводе значение неопределенности подвергается конкретизации, что обусловливает снижение как эмотивного и экспрессивного потенциала фрагмента текста, содержащего данные оценочные средства, так и изменение картины, т.е. появление иных основных изобразительности. Ср.

Таблица 3.

<p>Потом, на вторые сутки, небо стало бледнеть, горизонт затуманился: близилась земля, показались Иския, Капри, в бинокль уже виден был кусками сахара насыпанный у подножия чего-то сизого Неаполь... (И.А. Бунин. Господин из Сан-Франциско).</p>	<p>The next day the sky began to pale, the horizon grew dim, land was approaching : Ischia, Capri could be seen through the glasses, then Naples herself, looking like pieces of sugar strewn at the foot of some dove-coloured mass; whilst beyond, vague and deadly white with snow, a range of distant mountains. «The Gentleman from San Francisco» translated by D. H. Lawrence and S. S. Koteliansky</p>
--	---

Безусловно, таинственность и неопределенность бунинских красок (*чего-то серого*) снижается при воссоздании в переводе (*some dove-coloured mass*), где грамматически необходимая конкретизация трансформирует восприятие пейзажа.

Приведенный материал дает возможность утверждать, что категория определенности/неопределенности в русском языке находится во взаимодействии и взаимопроникновении с категорией оценки, а также с категориями выразительности и изобразительности, которые являются важнейшими слагаемыми художественного перевода. Тесная взаимосвязь этих категорий может рассматриваться как один из факторов, оказывающих влияние на формирование эмоциональной картины мира, которая актуализируется в речи. Помимо этого, очевидна необходимость декодирования оценочных смыслов, заложенных в данных единицах, с целью наиболее точного

воссоздания не только их семантики (что осуществлено в приведенных здесь переводах достаточно удачно), но и их прагматики в переводе (что является одной из сложных переводческих проблем).

References:

1. Vezhbitska A. Metatekst v tekste [The Metatext in the text] Available at: http://www.filologbook.ru/sintaksis/vegbicka_metatekst.html
2. Trubetskoi N.S. Izbrannye trudy po filologii [The selected works in Philology]. – Moskva., Progress, 1987.
3. Grammatical categories. Available at: <http://study-english.info/article057.php>
4. Mashtakova M.V. Opredelennost'-neopredelennost' v russkom i frantsuzskom yazykakh: znacheniya, funktsii i sposoby vyrazheniya: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk [Certainty-uncertainty in Russian and French languages: values, functions and modes of expression: the dissertation

... The candidate of Philology]. – Moskva., 2005.

5. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. - Moskva., 1996.

6. Volostnykh, I.A.: Emotsional'nye kontsepty «strakh» i «pechal'» v russkoi i frantsuzskoi yazykovykh kartinakh mira (lingvokul'turologicheskii aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Emotional concepts of «fear» and «sadness» in Russian and French language worldviews (linguistic and cultural aspects): Abstract. Thesis. ... Candidate of Philology]. – Krasnodar., 2007.

7. Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. – Moskva., 1987., p. 264.

Литература:

1. Вежицка А. Метатекст в тексте http://www.filologbook.ru/sintaksis/vegbicka_metatekst.html

2. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. – М.: Прогресс, 1987.

3. Электронный ресурс [Режим доступа] <http://study-english.info/article057.php>

4. Маштакова М.В. Определенность-неопределенность в русском и французском языках: значения, функции и способы выражения: диссертация ... кандидата филологических наук. - Москва, 2005.

5. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

6. Волостных, И.А.: Эмоциональные концепты «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007.

7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 264 с.

Information about author:

Leila Mirzoyeva - Doctor of Philology, Associate Professor, Suleyman Demirel University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: mirzoeva@list.ru

Сведения об авторе:

Мирзоева Лейла - доктор филологических наук, доцент, Университет им. Сулеймана Демиреля; адрес: Казахстан, Алматы; электронный адрес: mirzoeva@list.ru

